

ГЛАВА 1

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЯГА!

*У птицы в горле
Хранится верность
Грядущим вёснам¹.*

Эжен Гильвик

— Больше такую хлипкую не бери, — оглядывая покойницу, покачал головой Кощей. — Соплэй, поди, перешибло?

— В Хтони от меня убежала, — проворчала Обыда². — На самое Пламя напоролась.

Лицо у лежащей в гробу было тёмное, обгорелое; словно бы удивлённое. Кощей вздохнул, нагнулся, сложил крест-накрест на тощей девичьей груди белые руки.

¹ Цитируется в переводе Мориса Ваксмахера по: Страницы европейской поэзии: XX век. М.: Художественная литература, 1976.

² Обыда́ — существо в удмуртской мифологии, по внешнему виду и функциям близкое к классической бабе-яге.

— Смотри-ка, и запачкаться не успела. Ни пятнышка.
— Боялась потому что. Пламени боялась. Вот и угодила прямо к нему.

— Чего боишься, то и сбывается, — покивал Кощей.

— Что ж ты тогда смерти своей боишься, батюшка?

— А ты что ж тогда так боишься без преемницы остаться?

Постояли молча. Поглядели, как наползает на гроб осенняя крапива, как проседает под могилой земля. Когда лицо ученицы скрылось под корнями, Обыда махнула рукой, и молодая ель надвинулась, укрывая холмик.

— Засыпай, — шепнула она, наклонившись, и опустила сверху маковое зерно. — Да спи сладко.

— Новую девку покрепче ищи, — посоветовал Кощей, запахивая плащ. — Чтоб ловкая, да тёмненькая, да жилистая. Вот как позапрошлая была. И хорошо бы, чтоб повзрослей. А то ведь не успеешь.

— Не твоя забота, батюшка, — ответила Обыда, не замечая, что ветер растрепал волосы и распахнул кожух¹.

Затрещали ветки. Кощей насторожился:

— Гамаюн², что ли?

Обыда неохотно, медленно обернулась. Тряхнуло обмётанные инеем стебли, полетел мелкий снег. На мутный свет кубарем выкатилась девчонка. Крохотная — едва до пояса достанет. Чумазая, в обносках, светленькая, как зайчишка. Кощей сделал шаг из тени, но Обыда шикнула, отогнала. Обратилась к девочке:

¹ Кожух — кафтан, подбитый мехом.

² Гамаюн, Сирин и Алконост — в славянской мифологии волшебные сладкоголосые полуптицы-полудевушки.

— Ты откуда, глазастая? Заблудилась, поди?

На ресницах дрогнули слёзы — крупные, как росинки.

— Откуда будешь-то? Из деревни?

Обыда протянула руку, осторожно коснулась девочки. Спрашивает, а сама оценивает: ладони тёплые — Пламя приживётся; пальцы длинные — легко будет и перо держать, и пестик, и помело. Глаза ясные — колдовства чужого ещё не вложено.

— Вот твоя девица, явилась, — хохотнул у ели Бес-
смертный.

Девочка увидела его, взвизгнула, отпрянула. Обыда одной рукой прижала её к себе, другой зашарила в складках платья, велела Кощею:

— Ну-ка, иди давай, не пугай!

Вытащила пригоршню листьев — по осеннему грибному лесу пошёл запах терпкого лета. Протянула девочке:

— Понюхай. Сразу страх забудешь. Всё забудешь...

Ждала, что та оттолкнёт, побежит прочь, но девочка сама потянулась к листьям на сухой ладони, втянула запах. Грохнуло в небе, молния расколола тучи, ударив в озеро. Кощей обернулся на тёплую избу вдалеке — плясала свеча, шипел самовар, щёлкали ходики, — и шагнул из-под еловых лап в ненастье. На прощанье бросил:

— Уж эту не проворонь.

Девочка засмеялась; подкосились ослабевшие коленки, и она рухнула к ногам Обыды. Уснула. Та протянула задумчиво:

— Вот, значит, кого богинка-то¹ сжечь хотела...

¹ Богинка — в славянской мифологии существо, чаще всего злобное, способное красть младенцев.

Лёгкая оказалась, как травинка.

Обыда донесла девочку до дома, взобралась на крыльцо. Изба сама, без указки, опустилась пониже, распахнула дверь. Потянуло навстречу сладким запахом кадушки с тестом, травяным духом сушняка, крепким ароматом яблок. Девочка даже сквозь сон услышала, зашевелилась.

— Спи, спи.

Обыда опустила её на лавку, села рядом. Дел невпроорот, а поди ж ты — захотелось посидеть, передохнуть. Миг прошёл, другой; ходики отбили четверть часа. Обыда упёрлась кулаками в колени, встала и подошла к каразее¹ у стены. Осторожно, чтоб не коснуться стекла, отдёрнула, заглянула в зеркало — всё в трещинах и мушиных точках.

Ходики замерли. Изба поджалась, скрипнула дверь.

— Ну-ну, будет. Я быстренько, — примирительно велела Обыда.

Вернулась к лавке, взяла девочку на руки. Поднесла к тёмному стеклу. Ничего не изменилось: та же горница в глубине, та же найдёныш — светленькая, заплаканная. Точно в день смерти предшественницы явилась, как и положено.

Поскорей, чтобы лишний раз себя не увидеть, Обыда задёрнула каразею. Тут же облегчённо зашипел самовар, дождь залупил по окнам.

— Вот и всё, — похлопав по брёвнам, усмехнулась она. — А ты, глазастая, спи. Завтра. Всё завтра.

¹ Каразея — грубая шерстяная ткань.

Недосуг было сегодня с новой ученицей возиться, нужно за прежней прибрать: косы, платья сжечь, монисто¹ вычистить. Не наберёшься на них платяев, на окаянных. Только вылупятся, уму-разуму научатся — тут же готовы и в золу, и в землю. Взять хоть последнюю. Сама. Сама! А что сама-то? Сама-то в Пламя и угодила. Глупенькая, визьтэм²! А ведь ясная голова была, и глазки ясные. Хорошая бы вышла яга.

— Может, из этой хорошая выйдет, — поливая из ладоней яблони, запирая горе, вздохнула Обыда.

Избушка закряхтела, ободряя хозяйку, надала тепла в печке: холодные на пороге зимы ночи выдались, болотистые.

Спелое яблоко, наливное, хрусткое, упало с ветки, будто в насмешку.

— Поди, и без тебя обойдусь, — буркнула Обыда, подбирая яблоко с половиц. — Поди, хоть эта вырастет, прежде чем помрёт.

Утром Обыда открыла глаза, а найдёныш сидит на лавке: свесила ноги, но не ступает на пол. Изба задремала, выхолодило горницу под утро: по половицам, по косякам пошёл ледяной узор. Девчонка скукожилась, но не пищала, не плакала — видимо, не весь вчерашний дурман вышел. Как увидела, что Обыда проснулась, — вперилась в неё громадными глазами, зелёными, как лесные озёра.

¹ Монисто — ожерелье из бус, монет, разноцветных камней; оберег. Может быть разной длины, может состоять из двух частей, прикрепляющихся друг к другу.

² Визьтэм (удм.) — дурак; глупый, бестолковый.

За ночь пропахла изба болотом.

— Вон корыто, умывайся. Потом сарафан поищем.

Девочка ничего не ответила. Глянула испуганно, встала коленями на лавку, выглянула за окно. Выпала крепкая роса, от леса тянуло холодом, влагой, а в избе сытно пахло берёзовым углём. Манили утренние огоньки на лугах, влекла серебряную нитку бледная луна: протяни руку — и схватишь.

— Рано тебе за огоньками. Рано пока. А когда-нибудь и можно будет. Ну, что молчишь? Немая, что ли?

Девочка помотала головой, но так и не заговорила. Обыда махнула рукой: и не таких чудес навидалась, пока искала преемницу. Кого крала, кого выхаживала, кого с самой границы вытаскивала по лунной смётке¹. Ничего. Пообвыкнется — разговорится.

— Вот тебе рубаха. Вот тебе сарафан. Снимай свои лохмотья.

Девочка нахмурилась, вжалась в стену. Обыда вздохнула да бросила. Уговорами делу не поможешь, силой только хуже сделаешь.

— Не хочешь — не надо. А всё ж лучше б переделась. В своих-то обносках где только не бегала, а земля сейчас мокрая, грязь всюду какая.

Выложила на лавку крепко выбеленный, выстиранный в семи водах с чистотелом сарафан и отвернулась, принялась накрывать на стол. Когда обернулась, увидела, что девочка всё же стянула свои одёжки, натянула чистые.

— Руки помой. Все в крови. Упала, видать, где-то или о ветки разодрала.

¹ Смётка — нитки, которыми смётывается или намётывается что-либо.

Девочка кое-как сполоснула в корыте руки. Поёрзав, позволила расчесать гребнем волосы. После того как Обыда вынула из них листья, окатила лавровым отваром, высушила тёплым ветром да заплела косы, волосы заблестели пшеничным золотом, солнечным звоном.

— Накинь-ка платок. Зябко.

Изба виновато вздохнула: всегда, как приходил чужой, выстуживало, да ещё похлеще, чем после ночи. Обыда любила, когда ученицы являлись летом: тут прохлада только к стати. Но раз уж явилась осенью — что поделаешь. Яга новую ягу не выбирает; новая яга сама приходит, никого не спрашивая.

Когда девочка накинула на плечи вязаную шаль, от растрёпанного найдёныша с кладбища ничего и не осталось. Разве что глаза по-прежнему были затравленные, пустые.

Обыда собрала на стол, но и от мясной похлёбки, и от картошки с грибами, и даже от нежной малины девочка отказалась: молча отодвинула, помотала головой. Еле-еле пощипала пирог, запила чаем. Обыда, не таясь, покрошила в чашку белые лепестки.

— Это, глазастая, для успокоения трава. Гáрмала¹. Из неё припарки делают, если какая мозоль, и в питьё добавляют, если на душе тяжко.

— Мне не тяжко, — тихо сказала девочка. Голос у неё оказался тонкий, чистый, совсем птичий. — Только спать хочется.

Конечно, хочется, опомнилась Обыда. Мала же. Со всем ещё мала. Привыкла, что прежняя-то, Марийка,

¹ Гáрмала — травянистое растение; в разных странах используется как средство от депрессии, благовоние, растение для шаманских ритуалов.

почти взрослая. Вязкая волна обиды пополам с жалостью поднялась в груди. А ведь уже две части ритуала провела, третью провести собиралась, почти дотянула, совсем осталось чуточку, и была бы уже настоящая преемница...

— Ложись. И чего так рано встрепенулась, если недоспала? Как хоть зовут тебя?

— Ярина, — ответила девочка, кляя носом. Чашка с мятой опасно отпрыгнула, дохнув паром.

Обыда, махнув рукой за спину, раскатала лежанку на печи; щёлкнув пальцами, распахнула сундук. Подушка улеглась сверху постели, печка заворчала, греясь. Обыда хотела было кликнуть руки-помощники¹, да передумала. Подхватила девочку сама («И правда, как травинка») и переложила на постель.

Ярина проснулась спустя полный день — с первым блеском зари. Ещё русалки в озере не начали плескаться, ещё Сирина не пролила утренние слёзы, а Обыда уже почуяла сквозь дрему, как смотрят на неё чужие глаза. Подумала, Керемёт² проведал о новостях, высматривает. Но нет; кто-то здешний глядел. Обыда зыркнула туда-сюда по углам — никакой нечисти. Тишина, пахнет деревом, мёдом, едва слышно берёзовым мылом; щекочет ноздри сладкий запах вызревших за ночь яблок.

¹ Руки-помощники — фольклорный элемент; кисти рук, которые летают по избе и помогают по хозяйственным делам.

² Керемёт — в удмуртской мифологии творец зла.

Спросила хрипло, вглядываясь спросонок в лежанку на печи:

— Ты, что ли?

Ярина сидела, натянув на колени сарафан, обняв себя за лодыжки.

— Ранняя пташка.

Пощёлкивало в пояснице. В слюдяное окно заглядывал тощий умирающий месяц. Обыда запалила лучину, подошла к столу поглядеть на воду в кринке. Ёкнуло внутри. Сколько ни смотрела, каждый раз сердце схватывало: вдруг сегодня? Вдруг сегодня увидится?

Но вода в глиняном кувшине стояла спокойная, светлая, отражала слабую зорьку.

— Вставай, раз проснулась, — проворчала Обыда, чувствуя, как камень упал с души: посмотрела — и ладно, можно дальше жить. Обернулась, а Ярина так и сидит, обхватив коленки. — Что как неживая?

Девочка глянула исподлобья. «Непросто с ней будет», — мелькнуло в голове, но некогда было загадывать: день уж входил в Лес. Пела, приветствуя солнце, медноволосая Алконост, шумели ёлки, растревоженные вороньём, и первые лучи, заноса в горницу тёплую золотую пыль, гладили по щекам и макушке вчерашнего найдёныша.

— Вставай, вставай, — повторила Обыда, поднимая на приступку печи подошедшее тесто. Подвизалась платком, набрала в пригоршню тыквенных семян. Распахнула окно, разведя створки и занавески, впустила в избу ещё больше света, сквозняк, свежий осенний свист. Высыпала семена на дощечку, и тут же с гомоном, с щёлканьем на-

летели утренние птицы. — Вот уже и птицы не ленятся, смотри-ка, поклевать слетелись. И ты давай, Ярина.

Но девочка так и не пошевелилась. Обыда нахмурилась, подошла ближе. Протянула руку, коснулась плеча и тут же одёрнулась: будто мокрым пальцем железо на морозе тронула. Поглядела — а Ярина-то замёрзла, закаменела вся в снежное стёклышко с камушком внутри. И камушек еле разглядишь, еле бьётся.

В Лесу чего только не бывает. В Хтони и подавно не такое видала Обыда. А потому, вместо того чтобы пугаться, велела избе:

— Топи-ка. Поддай жару как следует!

Сама заперла покрепче дверь, задвинула стёкла в духовых окошках, затворила вход в погреб. Из устья печки пошло, распускаясь огненным маком, тепло. Обыда вынула из сундука тёмное покрывало, взмахнула, накрывая девочку, — вспыхнули серебром угловатые вышитые узоры. Дунула на макушку, позвала с гвоздя сухой венки. Костяника, брусника, папоротник, горечавка... Осторожно положила венки Ярине на голову.

*Четыре травы на четыре света,
Иди от избы, от избы до лета,
Иди-уйди, тишина, из сердца!*

С последним слогом Ярина вздохнула, вздрогнула, в глазах запрыгали искры, отразились наконец и лучина, и солнце, и осеннее золотое утро.

— Откуда же ты взялась, с камушком таким внутри? Неужто всё та, лохматая, одарила?

Ярина растерянно улыбнулась, повела плечами.

— Холодно...

— Холодно, потому что ты чужачка пока. Изба тебя примет — теплей станет. К лету, глядишь, и в Лесу потеплеет.

А девочка-то оживала на глазах: заиграл румянец — земляничный, рубиновый, как будто только с мороза вошла, — засияли глаза, зелёный орешник налился золотисто-коричневой глубиной. Даже волосы, безжизненные косицы, встопорщились, словно Ярина только что проскакала верхом всю дорогу от Яблоневой рощи.

Она завертела головой. Обыда хмыкнула про себя: видели мы это, много раз видели, как новенькие оглядываются в избе. Тут и связки из волчьего волоса, тут и сухие цветы, и яблоня вплелась в брёвна, вьётся живым узором до самого потолка. Тут и зеркало едва поблёскивает под каразеей. И хорошо бы плотней укрыть, но сильное колдовство ничем, кроме другого колдовства, не скроешь, а ещё один покров поверх зеркала городить, как заплату на заплату ставить: однажды порвётся так, что ранки, рванки, трещинки по всему полотну пойдут. Достаточно, что изба на перепутье крепко села, как клуша на гнезде с мёртвыми птенцами: не поднять, не сдвинуть никакой чужой силе.

Ярина тем временем углядела, конечно, зеркало. Крохотная совсем — а уже увидела проблески колдовства. Если голова светлая, если слово держать умеет, если нитку схватит — далеко пойдёт.

Приметила связки белушек, сухие радужные перья Сирин в горшке, косяную скрипку, череду снежных шаров,

в которых, зовя зиму, клубился тугой туман. Скользнула взглядом по чёрной двери, задержалась на миг, дальше побежала. Глаза любопытные, руки тянутся, вопросы на языке поспевают, как груши на пороге осени. Знаем, знаем, уж сколько раз видели такое... Почему ж только позже, к юности, глаза гаснут? Билась Обыда над этим, размышляла, что случается, в какой миг гаснет огонь внутри. Так и не поняла ничего, одно что самой скоро за третью сотню перевалит.

А может, и нет.

Опять она метнулась взглядом к воде, всмотрелась через плечо в крынку. Глядела ведь сегодня, куда ещё, дважды ни на что не гадают, дважды вопрос задавать — только ответ портить. И всё-таки посмотрела. Холодная, тихая вода, хоть лес уже весь проснулся, всеми ветвями устремился в последний погожий день к скупому кленовому солнцу. Птенцы Гамаюн затянули тонкими голосами свою песнь, птица-мать изредка звучно направляла: вот так. Вот так пойте, чтоб у того, кто вас услышит, самое светлое поднималось в душе, самое дорогое.

Ярина, замерев, заслушалась. Спросила шёпотом:

— Это что?

А потом затрясся пол, попрыгала с полок посуда — сверкнул за окном Утро Ясное. Ярина вскочила, вцепилась в хват.

— Ты чего это? — изумилась Обыда.

— Кто там? Почему пол трясётся?! Он... обижать станет?

— Лес с тобой! Никто тебя тут не тронет, если сама руку не поднимешь.

Спросить спросила, а сама прежде ответа поняла: кто-то крепко напугал Ярину в прошлой жизни, так крепко, что имя ушло, а страх остался. Ничего. Память человечья гибкая, слабая, как осенняя ящерка. Побродит Ярина по лесным тропам, искупается в озере под дождём, с девками из воршудов¹ познакомится — всё забудет.

— А это кто тогда? — настороженно спросила она, маргивая слёзы; ухват так и не выпустила.

— Это Утро моё Ясное, — ответила Обыда. — Он тут, у избы, скачет, чтобы нам светлей было. Скоро уж День Красный побежит, а ты зарёванная, неумытая. Так и всю жизнь просидишь-проболтаешь.

— Кто он? — настойчиво повторила Ярина. — Утро Ясное?

— Утро — мирный мóлодец, справный, весь Лес будит. День — верный, ровный, греет всё кругом. А Ночи на глаза не попадайся до поры до времени. Он по двору не скачет — там, за оградой тихонечко пролетает. Вчера проехал — ты и не заметила. Ну? Не боишься больше?

— Боюсь. Больно бьёт, — вздохнула Ярина. — Вот если б ты рассказала, что за чёрточки на одеяле... Как они ночью горели! Я бы себе такие же сделала. Чтобы, если кто подойдёт...

Обыда глянула на покрывало, провела пальцем по узловатому вышитому знаку.

— Никто тебя тут не обидит, если меня будешь слушать. Я тут главная. Я, яга Обыда.

¹ Воршуд (удм.) — 1. Семейно-родовое божество; 2. Объединение кровных родственников, родовая территория; здесь — населённый пункт, в котором живут представители одного рода.

Ярина кивнула, хоть и не поняла ничего — это Обыда по лицу прочла, — но настойчиво повторила:

— А про чёрточки расскажи.

— Расскажу, глазастая.

— Сейчас?

— Да погоди немного, дай хоть чаю попить. Или ты и есть не хочешь? Сушки у меня заварные, вчера поставила. Хлеб с орехами. Неужто не попробуешь даже?

Ярина глянула за спину Обыды и ахнула: чёрный стол накрыла красная скатерть, выстроились крутобокие чашки, на полотенце засветился свежий хрустящий хлеб.

— Нигде больше такой не испечь, только тут, на перепутье, — сказала Обыда. Подвинула лавку, велела: — Садись. Поешь. А там, может, и расскажу тебе про чёрточки.

Ярина принялась за хлеб — ни крошки не уронила, ни слова не проронила. Молчаливая. Угрюмая? Сердитая? Испуганная, как зайчишка лесной? Кто её пока разберёт. А всё же обидно будет, если нить не подхватит, если окажется, что всего лишь девчонка это, всего лишь случайно в день смерти Марийки явилась Ярина в Лес.